

Глава 1

Крохотный малыш сидел на крохотном стульчике в углу, одной рукой прижимая к себе старую, застиранную до белизны куклу, а другой подпирая щёку. Взгляд его блуждал где-то далеко — туда, где не было ни этого чужого дома, ни чужих голосов.

А голоса не умолкали. Взрослые неподалёку ругались, и с каждой минутой их перепалка становилась всё громче.

— Скажу как есть: Шэнь Янь — неблагодарный сын, и никакого наследства он не заслуживает!

— Сколько лет о нём ни слуху ни духу — жив ли, мёртв ли, никто не знал. А стоило старику слечь, так нате вам — откуда ни возьмись объявился сынок.

— Ха, надо же какое совпадение.

— Давайте начистоту. Кто из нас все эти годы не навещал старого господина по праздникам? Кто не заботился о нём больше, чем этот Шэнь Янь? Положа руку на сердце — разве деньги не должны достаться нам?

— Но малыш всё-таки единственный родной внук...

— И что с того, что родной внук? Что с того, что родной сын? Много ли сыновнего долга он исполнил?

— Верно. Ребёнку-то зачем деньги? Только переводить добро.

— Тише, тише. Не дай бог малец услышит.

— Да хоть бы и услышал — ему сколько лет-то? Что он там поймёт?

Последний был прав. Ли Цзюэ и вправду ничего не понимал из их разговоров.

Ему исполнилось три года — совсем ещё крошечный, несмышлёный малыш, которому и в голову не могли прийти взрослые интриги и расчёты.

Но одно слово он слышал снова и снова. Единственное знакомое — среди потока непонятных, сердитых фраз.

Шэнь Янь.

Так звали его папу.

Шэнь Янь был единственным сыном Старого господина Шэнь. Семейное дело было огромным, но наследовать его Шэнь Янь не пожелал — несколько лет назад сбежал с каким-то мужчиной и сгинул, словно камень в воду.

Для семьи Шэнь он был всё равно что мертвец.

Старый господин ещё смолоду мучился застарелым недугом, а нынешней зимой подхватил простуду — и слёг окончательно. Врачи сказали, что дни его сочтены.

Родственники, каждый со своим тайным умыслом, слетелись со всех сторон. Всякому хотелось мелькнуть перед умирающим стариком, урвать хоть кусок от бесхозного наследства.

А оно и впрямь было бесхозным — до того дня, когда на пороге не появились полицейские с малышом на руках. Экспертиза подтвердила: ребёнок — родной сын Шэнь Яня, родной внук Старого господина.

Жирный кусок, который вот-вот готовы были проглотить, вдруг обрёл законного хозяина. Смириться с этим не мог никто.

Родня бурно обсуждала, как бы вернуть себе деньги, которые уже считала «своими».

А малыш на стульчике в углу ничуть не интересовался их спорами.

Он хотел знать лишь одно: папа... куда ты ушёл?

Сколько Ли Цзюэ себя помнил, они с папой всегда были вдвоём.

Папа хотел, чтобы сын рос свободным — без оков семейного клана, без тяжёлого фамильного бремени. Поэтому даже фамилию ему не дал. Просто — Ли Цзюэ.

Он не был похож на других детей. Ни мамы, ни шумных братьев и сестёр, ни дядюшек с тётушками.

Только папа.

Но это было неважно. С папой — и довольно.

Денег у папы водилось немного, зато любви — целый океан, и вся она доставалась одному-единственному малышу.

Папа придумывал ему ласковые прозвища — «Малыш Ли», «Сокровище Цзюэцзюэ», «Малыш», «Сладенький» — щекотал пузико, целовал в щёчки.

«С папой — самое большое счастье на свете», — так думал маленький Ли Цзюэ.

А потом папа вдруг исчез.

Малыш не плакал, не капризничал. Сидел дома и послушно ждал, когда папа вернётся.

Но папа всё не приходил, и голодный малыш потерял сознание.

Хорошо, что соседи вовремя заметили неладное и вызвали полицию.

А дальше его привезли сюда — в этот огромный, роскошный и ледяной дом.

Старый господин Шэнь лежал в беспомощности уже много дней и вряд ли мог очнуться. Он даже не знал, что у него появился внук.

Без заступника трёхлетний ребёнок превратился в ягнёнка посреди волчьей стаи.

Взрослые встречали его косыми взглядами, кормили остывшей едой, укладывали спать на пыльный пол кладовки.

Но Ли Цзюэ рос в ласке и тепле — такими мелочами его было не сломить.

Он просто очень скучал по папе.

«Папа, когда ты придёшь за малышом?»

Его любимая кукла уже почти перестала пахнуть тем самым стиральным порошком — домашним, родным, сладковатым запахом...

— Ты голодный?

Перед глазами малыша вдруг возникли начищенные до блеска детские ботиночки.

Ли Цзюэ сперва опустил взгляд на собственные ноги — стоптанные, потрёпанные матерчатые тапочки, — а потом медленно поднял голову, скользнув глазами от чужих блестящих ботинок вверх.

Черноволосый мальчик с карими глазами. Чуть постарше него.

Ли Цзюэ его помнил.

Мальчика звали Лин Си, и он был единственным человеком во всём доме Шэнь, кто относился к малышу по-доброму.

Лин Си — сын водителя Старого Лина, который с малых лет рос на глазах у семейства Шэнь. Пару лет назад Старый Лин, подвозивший хозяина на работу, скончался прямо за рулём от сердечного приступа. С тех пор осиротевшего мальчика приютили в доме Шэнь.

Хоть распоряжение об усыновлении отдал лично Старый господин, пятилетний Лин Си прекрасно понимал своё место. Никогда не претендовал на роль наследника, почтительно обращался ко всем на «вы» — «господин», «госпожа», — был не по годам разумен и обходителен. Взрослым он нравился.

Когда Ли Цзюэ появился в доме, один лишь Лин Си тайком приносил ему горячую еду и чистое, свежестыранное одеяльце.

Пусть жена второго дядюшки дёргала его за рукав:

— Малыш Лин, не стоит водиться с этим ребёнком. Дурная примета.

Пусть троюродный дядя хлопал по плечу:

— Малыш Лин, тебе бы по правильной дорожке идти. Не связывайся с такими.

Пусть двоюродный братец нарочно говорил в полный голос — так, чтобы малыш наверняка услышал:

— Кто его знает, чему он там от своего папаши нахватался. Срамота.

Лин Си послушно кивал — мол, всё понял, всё принял к сведению.

А потом разворачивался, набивал карманы конфетами и нёс их Ли Цзюэ.

Мальчик стоял и смотрел на малыша сверху вниз.

У маленького Ли Цзюэ были удивительные глаза — радужка светлая, нежно-золотистая. Длинные, загнутые ресницы порхали бабочками при каждом моргании, и в глубине зрачков, казалось, переливался тёплый, мерцающий свет.

Личико — с ладошку величиной, кожа белая и нежная, как пудинг, черты тонкие, почти кукольные. Волосы давно не стрижены и отросли ниже плеч; в сочетании с милостивой внешностью издали его легко было принять за девочку. Цвет волос — совсем светлый, платиновый, точно сливочный крем: мягкие, пушистые пряди рассыпались по плечам и завивались на кончиках трогательными колечками.

Даже сейчас, в таком юном возрасте, было очевидно, что из этого малыша вырастет ослепительный красавец.

Весь Ли Цзюэ был словно соткан из светлых тонов — рядом с черноволосым, кареглазым Лин Си они казались утром и ночью, тёплым рассветом и прохладным лунным сиянием.

...Нет. Не солнце.

Мальчик подумал: не солнце — это было бы слишком банально.

Малыш казался золотистым — будто крохотный бутон грушевого цветка, ещё не раскрывшийся, хрупкий, изящный и прекрасный.

Пятилетний Лин Си уже истратил на малыша весь запас красивых слов, какие только знал и успел выучить.

Заметив, что Ли Цзюэ молча хлопает на него огромными глазами, мальчик решил, что в прошлый раз говорил слишком тихо, и повторил:

— Ну так... ты есть хочешь?

Малыш прижимал куклу к груди, и не успел он открыть рот, как животик честно ответил за него — негромким, но отчётливым бурчанием.

Лин Си достал пирожок с османтусом. Только из кухни — ещё тёплый.

Протянул малышу.

Тот принял угощение, сморщил носик, принялся — и уловил сладкий, медовый аромат.

А потом поднял личико и улыбнулся — так, что любой пирожок показался бы пресным в сравнении:

— Спасибо, Сиси!

Вообще-то Лин Си больше хотел бы услышать «братик». Но малыш упорно звал его «Сиси» — и только так.

«Ладно», — подумал мальчик.

«Когда он улыбается, у него ямочки на щеках».

Лин Си сел рядом и стал наблюдать, как малыш откусывает маленькие кусочки пирожка.

Ему хотелось сказать Ли Цзюэ, чтобы тот не слушал этих людей. Что Старый господин Шэнь давным-давно составил завещание: если найдётся Шэнь Янь или его семья — всё отходит им; не найдётся — всё уйдёт на благотворительность.

Жадным родственникам, которые только и ждали смерти старика, не достанется ни гроша.

Но, глядя на жующего малыша — с раздутыми щёчками, похожего на маленького хомячка, — Лин Си передумал.

Ли Цзюэ — всего лишь кроха. А крохе нужно только одно: чтобы ему было хорошо. Взрослые дразги — не его забота.

— Ого, а пирожок-то аппетитный! Откуда взял? Небось стащил?

Ядовито-насмешливый голос разбил тишину вдребезги.

Ли Цзюэ вскинул головку — на щеке прилипла крошка, глаза распахнулись, круглые и испуганные. Маленький сладёна, застигнутый на месте преступления.

Мужчину с прилизанными набриолиненными волосами малыш не знал, зато выражение на его лице узнал мгновенно — точно такое же, брезгливое и враждебное, было у каждого в этом доме. У каждого, кроме Лин Си.

Мальчик первым делом вытащил из кармана влажную салфетку, аккуратно вытер малышу щёки и ладошки. Лишь после этого поднялся на ноги и заговорил — голосом, неожиданно спокойным и твёрдым для ребёнка его возраста:

— Господин, это я ему дал. Прошу вас, не сердитесь.

В доме Шэнь Ли Цзюэ не любил никто. Его появлению не обрадовались — его ненавидели.

Но Лин Си был другим.

Когда полицейские принесли малыша на руках и он так внезапно, так неожиданно возник в жизни мальчика... Когда все вокруг видели в Лин Си лишь приживалку, сироту, которого можно гнуть и мять как вздумается, — этот крохотный малыш вдруг одарил его сияющей улыбкой и позвал мягким, молочным голоском: «Сиси!»

Словно судьба подбросила ему маленькую фарфоровую куколку... нет — подарок. Бесценный, хрупкий подарок, который хотелось беречь и оберегать вечно.

Набриолиненный троюродный дядюшка, положив руку на сердце, недолюбливал этого мальчишку — слишком взрослого, слишком серьёзного для своих лет. От его тихих карих глаз становилось не по себе, словно этот щенок видел наизнанку каждую мерзкую мыслишку.

Впрочем, лицо надо держать:

— Ха, вот как. Ну, Малыш Лин, ты и впрямь славный паренёк.

Затем присел перед малышом на корточки:

— Ну-ка, Ли Цзюэ, пойдём с дядей — подстрижём тебе волосики, а?

Малыш ему не доверял. Вжался спиной в маленького защитника, спрятался за его спину.

Лин Си раскинул руки, загораживая собой ребёнка:

— Господин, Ли Цзюэ и с такой причёской очень милый...

— Мальчишке зачем такие патлы? Чтобы за девчонку принимали? — Шэнь Цзянсин скривился и, не церемонясь, потянулся к малышу. — Всё, пошли. Сейчас же остригу!

Ребёнок был лёгким — невесомым, как котёнок. Одной руки хватило, чтобы поднять его в воздух.

Малыш в ужасе заболтал ножками, потянувшись к единственному человеку, которому мог довериться:

— Сиси! Сиси!

Лин Си бросился к мужчине, вцепился в его руку:

— Господин, пожалуйста, не надо! Ему страшно...!

Терпение Шэнь Цзянсина лопнуло. Он резко стряхнул мальчика — тот не удержался на ногах и упал.

Мужчина презрительно хмыкнул, подхватил малыша, как цыплёнка, и зашагал к выходу.

Когда Лин Си поднялся, не обращая внимания на ноющую боль в коленях, и выбежал наружу, он увидел лишь облачко выхлопных газов, тающее в морозном воздухе.

На улице валил густой снег, и машина ползла медленно.

Шэнь Цзянсин покружил по улицам, пока не нашёл безлюдную заброшенную стройку — ни камер, ни прохожих. Заглушил мотор, распахнул заднюю дверцу и выволок наружу свернувшегося клубочком малыша.

Дом семьи Шэнь отапливался, и Ли Цзюэ был одет в одну лишь тоненькую рубашонку. Обжигающий холод хлынул со всех сторон, и малыш невольно чихнул.

Шэнь Цзянсин мельком взглянул на крохотную фигурку, беспомощно дрожащую посреди снежной пелены.

Даже сейчас малыш не плакал. Обхватил себя ручонками, пытаясь сберечь остатки тепла.

Круглые, как пуговики, глаза смотрели на мужчину с недоумением — непонимающе, растерянно. За что? Почему взрослый так с ним поступает?

«Малыш плохо себя вёл?»

«Потому что... потому папа его бросил?»

«Потому что и здесь, в новом доме, его тоже никто не хочет?»

Волосы малыша и радужка его глаз были такими светлыми, что он почти растворялся в белом снежном мареве — призрачный, невесомый, едва различимый.

Глядя на беззащитного ребёнка, Шэнь Цзянсин ощутил мимолётный укол совести.

Но стоило вспомнить о завещании Старого господина — о сумме, в которой нулей было не сосчитать...

Жадность умеет превращать людей в чудовищ.

И последний проблеск жалости погас.

Мужчина потёр озябшие ладони, бросил на ребёнка прощальный взгляд, сел в машину, завёл двигатель — и уехал, не оглянувшись.

<http://bllate.org/book/16120/1580395>